

УДК 821.161.1.09:502.1

DOI 10.37972/chgpu.2024.123.2.007

Е. В. Скуднякова

**ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК В ЦИКЛЕ «ЗАПИСКИ ОХОТНИКА»
И. С. ТУРГЕНЕВА: ГЕРОИ С «ВНУТРЕННЕЙ ЦЕЛЬНОСТЬЮ»**

*Московский государственный университет технологий и управления
им. К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), г. Москва, Россия*

Аннотация. В статье рассматривается проблема природы и человека в цикле «Записки охотника» И. С. Тургенева («Ермолай и мельничиха», «Малиновая вода», «Льгов», «Бежин луг», «Певцы», «Свидание», «Стучит!», «Лес и степь»). Подчеркивается значение философских убеждений писателя в осмыслении указанной проблемы, приводятся данные из его эпистолярного наследия. В рассказах выявляются и анализируются персонажи с «внутренней цельностью» в соответствии с типологией М. О. Гершензона. Первый тип – герои с «раздвоенной душой», второй – герои с «внутренней цельностью», которые находятся с природой в гармонии. В отечественном литературоведении концептуальный анализ персонажей с «внутренней цельностью» в «Записках охотника» И. С. Тургенева еще не становился предметом специального исследования. В работе использовались сравнительно-сопоставительный метод и метод целостного анализа художественного произведения.

Ключевые слова: *природа и человек, И. С. Тургенев, «Записки охотника», гармония с природой, герои с «внутренней цельностью»*

Е. В. Skudnyakova

**NATURE AND MAN IN I. S. TURGENEV'S SHORT STORY SERIES
"A SPORTSMAN'S SKETCHES": CHARACTERS WITH "INTERNAL INTEGRITY"**

*K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management
(the First Cossack University), Moscow, Russia*

Abstract. The article emphasizes the problem of nature and man in the cycle of short stories "A Sportsman's Sketches" by I. S. Turgenev ("Yermolai and the Miller's Wife", "Raspberry Water", "Lgov", "Bezhin Lea", "Singers", "Meeting", "The Clatter of Wheels", "Forest and Steppe"). The author of the article highlights the importance of I. S. Turgenev's philosophical beliefs in understanding the topic under consideration, drawing on his epistolary heritage. Characters of the stories with "internal integrity" are identified and analyzed in accordance with the typology of M. O. Gershenzon in this article. There are two types of literary characters: "split souls" and characters with "internal integrity" who are in harmony with nature. In Russian literary criticism, the conceptual analysis of characters with "internal integrity" in I. S. Turgenev's "A Sportsman's Sketches" has not yet received due attention. The research employs a comparative approach and the method of holistic analysis of a work of art.

Keywords: *Nature and Man, I. S. Turgenev, "A Sportsman's Sketches", harmony with nature, characters with "internal integrity"*

Введение. Проблема взаимосвязи природы и человека – одна из самых сложных в творчестве И. С. Тургенева. Писатель много размышлял о сущности природы, о ее роли в жизни человека. Все эти рассуждения нашли отражение в его эпистолярном наследии, особенно в 1840-е годы, так как именно в этот период мировоззрение И. С. Тургенева претерпевало значительные изменения [19, с. 162–164].

Особую ценность имеет его письмо к Б. Арнимот, в котором он обозначил свое понимание природы – это «весь живой дух, ставший плотью» [19, с. 351]. И. С. Тургенев отмечал: «Чем была бы природа без нас, – чем были бы мы без природы? И то и другое немислимо!» [19, с. 352].

М. О. Гершензон обозначил период 1840-х годов в жизни и творчестве писателя как один из самых сложных в поиске ответов на вопросы о природе и человеке [4]. Исследователь первым выделил в его произведениях два типа героев в контексте поставленной проблемы. К первому были отнесены персонажи, у которых нет гармонии с природой, а ко второму – герои с «внутренней цельностью» [4, с. 42].

Еще литературные критики конца XIX – начала XX в. писали о художественном мастерстве И. С. Тургенева в изображении природы [11], [1], [3], [17], [5].

А. И. Незеленов справедливо называл писателя великим художником природы: «... Он заставляет нас жить <...> жизнью каждого дерева и каждой травки» [11, с. 9].

С. А. Андреевский отмечал, что природа в творчестве И. С. Тургенева «царит как самое великое действующее лицо» [1, с. 287]. Критик также подчеркивал особенности в ее описании, которые связывал в том числе и с философскими исканиями писателя: «Он ее постигал и боготворил одновременно <...> как философ, как живописец и как поэт» [1, с. 294].

Критик А. Григорьев выделил в художественной манере И. С. Тургенева специфическую черту – «живое сочувствие к природе, тонкое понимание ее красоты» [5, с. 6].

Многие литературоведы XX в. анализировали особенности творческой манеры И. С. Тургенева в изображении природы в контексте с его мировоззрением [6], [9], [8], [2], [13].

А. Е. Грузинский писал, что природа «отразилась сильно и задушевно» в его произведениях [6, с. 28]. Исследователь акцентировал внимание на «сложном» отношении писателя к природе на протяжении всей его жизни [6, с. 43].

По мнению А. И. Батюто, И. С. Тургеневу «импонировали стихийно-материалистическое мышление античных философов», а также взгляды Паскаля и Фейербаха [2, с. 131]. Ученый пришел к справедливому выводу: «Они называли материю или природу по-разному: <...> прекрасной, безучастной <...>, но все они сходились на том, что материя или природа первична и бесконечна <...>, а человек, – лишь “ничтожная часть ...” этой материи (Лукреций)...» [2, с. 131]. А. И. Батюто подчеркивал значимость для писателя работы Фейербаха «Сущность христианства» (1841), где дается реалистическая трактовка «религиозных представлений о божественном представлении природы и человека» [2, с. 45].

П. Г. Пустовойт также отмечал, что писатель хорошо знал немецкие философские системы (Гегель, Фейербах, Шеллинг, Шопенгауэр) [13]. С точки зрения ученого, у И. С. Тургенева было собственное «философское восприятие природы, прекрасного» – «чувство формы и красок» [13, с. 7]. В своих произведениях он пытался «понять диалектику разрушения и созидания» природы [13, с. 9].

Таким образом, П. Г. Пустовойт выделил два способа изображения природы в творчестве И. С. Тургенева: 1) «ласковая, переливающаяся всеми своими красками (“Записки охотника”);» 2) «грозная и суровая, беспощадная к человеку (“Поездка в Полесье”, “Фауст” и др.)» [13, с. 9].

В тургеневедении XXI в. обозначенная проблема становилась предметом исследования ученых. В работах Б. А. Прокудина и Л. И. Скоковой она интерпретируется в русле концепции Руссо «о естественном состоянии» [12, с. 116], [14].

В. А. Доманский подчеркивал новаторство И. С. Тургенева в «области типологии героев» [7, с. 69]. Литературовед на примере очерка «Хорь и Калиныч» анализировал два противоположных типа крестьян – «рассудочный» и «интуитивный» [7, с. 68, 69].

Китайский ученый В. Лие в рамках государственного научно-исследовательского проекта рассматривал поставленную проблему на примере повестей писателя («Ася», «Вешние воды», «Первая любовь») [10]. Он писал, что природа и человек в творчестве И. С. Тургенева были в «диалектическом единстве», а пейзаж не только являлся средством раскрытия внутреннего мира персонажей, но и содержал «философскую, этическую нагрузку» [10, с. 136].

Цель работы – выявить и изучить персонажей с «внутренней цельностью» в «Записках охотника» И. С. Тургенева.

Актуальность исследуемой проблемы. В современном тургеноведении глубокий анализ природы и человека в «Записках охотника» считается актуальным, так как дает представление о влиянии тургеновской традиции на творчество писателей XX и XXI вв.

Впервые в отечественной науке о литературе проводится исследование персонажей с «внутренней цельностью» в «Записках охотника» И. С. Тургенева [6, с. 49].

Отметим, что изучение первого и второго типов персонажей в произведениях писателя осуществлялось в работах автора статьи, написанных ранее [15], [16].

Материал и методы исследования. Материалом исследования явились рассказы И. С. Тургенева, входящие в цикл «Записки охотника»: «Ермолай и мельничиха» (1847), «Малиновая вода» (1848), «Льгов» (1847), «Бежин луг» (1851), «Певцы» (1850), «Свидание» (1850), «Стучит!» (1874), «Лес и степь» (1849); эпистолярное наследие писателя. Методы исследования – сравнительно-сопоставительный, целостный анализ художественного текста.

Результаты исследования и их обсуждение. Персонажи второго типа обладают следующими чертами:

- 1) живут в гармонии с природой и ее тайными силами;
- 2) у них есть «внутренняя цельность»;
- 3) способны жить настоящим, без мучительных воспоминаний о прошлом;
- 4) не склонны к мировоззренческим поискам [4, с. 42].

В «Записках охотника» к данному типу персонажей мы относим героя-повествователя (Петр Петрович), от лица которого и ведутся записи событий, а также крестьян. Они находятся в единстве с природой, поэтому для них она становится «домом».

Так, для Степушки из рассказа «Малиновая вода» природа – его единственный «дом»: «Степушка <...> обитал, витал на огороде» [18, т. 3, с. 33]. Природа для него – источник жизни: «То <...> сидит и редьку гложет, или морковь сосет...» [18, т. 3, с. 33].

Ермолай (сквозной персонаж) и герой-рассказчик легко остаются на ночь под открытым навесом: «Уже совсем стемнело <...> Мы зарылись в сено и заснули» («Ермолай и мельничиха») [18, т. 3, с. 29]. Ему приходилось ночевать «в болотах, на деревьях» [18, т. 3, с. 21].

В рассказе «Свидание» герой-повествователь выбрал березовый лес для отдыха во время охоты, где заснул «безмятежным сном» [18, т. 3, с. 241].

Анализируемый тип персонажей воспринимал в ряде случаев природу и как источник промысла. Поэтому сразу чувствуются описания природы, сделанные охотником. Например, Петр Петрович зорко подметил: «Рыбы в Исте бездна, особливо головлей <...>, дикие утки выплывают на середину прудов <...>, цапли торчат <...> в заливах» («Ермолай и мельничиха») [18, т. 3, с. 23]. Описание болотистой речки Росоты и пруда также дается с точки зрения бывалого охотника, который замечал, что на этом пруду «выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород» («Льгов») [18, т. 3, с. 75].

Герои второго типа тонко чувствуют природу, ощущают себя ее частью, знают ее законы и приметы. Поэтому ими часто становятся именно охотники, которые запоминают

и используют в своем промысле природные звуки, запахи и т. п. В ряде случаев принципиальное значение имеют время года, календарный месяц (иногда конкретный временной промежуток).

Так, герой-повествователь и Ермолай могли определить время «тяги» по ряду природных знаков, известных только опытным охотникам: «лесной запах усиливается», веет «теплой сыростью», «птицы засыпают <...> по породам» («Ермолай и Мельничиха») [18, т. 3, с. 19]. И вот наступает момент, когда в полной тишине «раздается особого рода карканье и шипенье <...>, и вальдшнеп <...> плавно вылетает <...> навстречу вашему выстрелу» [18, т. 3, с. 19]. При этом также четко указывается время года и суток, когда можно «стоять на тяге» – «за четверть часа до захождения солнца, весной» [18, т. 3, с. 19].

Петр Петрович также отмечал охотничье мастерство Ермолая, хотя у последнего не было даже патронташа. Он как никто мог «ловить <...> рыбу, доставать руками раков, отыскивать по чутью дичь» [18, т. 3, с. 22]. Ермолаю хорошо известны повадки рыб и птиц. Он замечал, что «рыба не любит ржавчины болотной»; а дикая утка не держится у берегов («Льгов») [18, т. 3, с. 78]. Он ловко находит брод, когда дощаник во время охоты пошел ко дну («Льгов»).

В рассказе «Бежин луг» Петр Петрович вспомнил о «вихрях-круговоротах», которые часто сопровождали сильный зной [18, т. 3, с. 87].

В «Певцах» он отмечал повадки грачей, воронов и воробьев во время сильной июльской жары. А крестьянин Моргач изображен в произведении суеверным человеком, который «верит приметам» [18, т. 3, с. 217].

В рассказе «Свидание» герой-наблюдатель определял время года только по одному шуму листьев. Весной это был «веселый трепет»; летом – «мягкое шушуканье»; поздней осенью – «робкое лепетанье», а ранней осенью – «дремотная болтовня» [18, т. 3, с. 240]. Он также знал, что «сухая свежесть» после дождя, как правило, предвещала «ясный вечер» [18, т. 3, с. 240]. Акулина хорошо разбиралась в целебных травах: полевая рябинка полезна для телят, череда помогает в лечении золотухи.

Персонажи с «внутренней цельностью» способны видеть прекрасное даже в самых обычных природных явлениях [4, с. 49]. Они чувствуют умиротворение, когда находятся на лоне природы.

«Удушливый зной» летнего дня сразу уменьшился, как только герой-повествователь спустился к ключу («Малиновая вода») [18, т. 3, с. 30]. Водная стихия наполняет живительной силой сухую землю, пейзаж становится более ярким в восприятии персонажа: «...Ключ с веселым и болтливым шумом впадает в реку <...>, около родника зеленеет короткая, бархатная травка...» [18, т. 3, с. 30].

Герой-повествователь любовался красотой дневного и вечернего неба: «Погода стояла прекрасная: белые круглые облака высоко и тихо неслись над нами...»; «Солнце садилось <...>, золотые тучки расстились по небу...» («Льгов») [18, т. 3, с. 83, 85]. У него «сладко стеснялась грудь» от «запаха русской летней ночи» («Бежин луг») [18, т. 3, с. 90].

Петр Петрович находил какое-то особое очарование даже у «не слишком» любимого им дерева – осины («Свидание») [18, т. 3, с. 240]. Он считал ее прелестной в летние вечера, когда она переливалась «желтым багрянцем» в свете заката [18, т. 3, с. 240]. Герой-повествователь трепетно относился к хрупкой красоте природы, поэтому сохранил у себя пучок васильков, который возлюбленный Акулины небрежно уронил на землю.

Красота Святогорьевских и Великокняжеских лугов также оставила в душе рассказчика неизгладимое впечатление («Стучит!»). А крестьянин Филофей после их созерцания смог только сказать: «Уж на что красиво! <...> Одно слово: умирать не надо» [20, с. 243]. Даже брызги речной воды Петр Петрович сравнивает то с «алмазными», то с «сапфирными снопами» [20, с. 242].

Рассказ «Лес и степь» завершает цикл «Записок охотника», поэтому в нем герой-повествователь вспоминал самые яркие пейзажи во все времена года. Он подчеркивал, что именно охотник способен замечать и глубоко чувствовать «скрытую» красоту природы.

Например, для него «наслаждение» выезжать на охоту весной до восхода солнца, потому что в этот временной промежуток можно наблюдать пробуждение природы ото сна. Поток солнечного света наполнял не только природное пространство, он проникал и в душу Петра Петровича: «...Сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо!» [20, с. 249]. Он ощущал на себе благотворность, даже целебность весеннего воздуха: «Как вольно дышит грудь <...> как крепнет весь человек...» [20, с. 249].

Петр Петрович подчеркивал, что июльское утро особенно приятно для пеших прогулок, так как именно в этот период природа наполнена особыми запахами: «...Воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи...» [20, с. 249–250].

Повествователь тонко ощущал природные изменения воздуха: с постепенным восходом летнего солнца он становился «колючим» от зноя, а в тени наполнялся «пахучей сыростью» [20, с. 250]. Особым ароматом воздух насыщается после грозы, когда «пахнет земляникой и грибами» [20, с. 250]. В вечернее время суток он кажется ему «прозрачным, словно стеклянным»; а ночью воздух «наливается мглой», которую восходящая луна пронизывает ярким светом [20, с. 250].

Ему также нравилась «туманная» тишина в летние дни, хотя в это время нельзя было охотиться. Рассказчик заметил, что день становится «несказанно великолепным» в тот момент, когда свет торжествует над туманом [20, с. 252].

Петр Петрович испытывал приятные эмоции, когда находился наедине с природой. Даже в глухой глубине леса он чувствовал себя спокойно: «Неизъяснимая тишина западает в душу...» [20, с. 251].

Важно подчеркнуть, что для героя-повествователя природа прекрасна во все времена года, а не только весной и летом. Так, для него «лес хорош поздней осенью, когда прилетают вальдшнепы», ему приятен осенний запах, «подобный запаху вина» [20, с. 251]. И. С. Тургенев в письме А. П. Ефремову от 2 (14) октября 1840 г. отмечал свое особое отношение к «тихой грусти природы» в осеннюю пору [19, с. 178].

Осенний лес пробудил в сознании Петра Петровича странные воспоминания: «...Любимые лица, мертвые и живые, приходят на память...» [20, с. 251]. При этом природное пространство леса не вызывает в нем «метафизической тоски» [4, с. 49], а дает жизненную силу: «...Воображенье <...> носится, как птица <...> Сердце то <...> страстно бросится вперед, то <...> потонет в воспоминаниях» [20, с. 251]. И мысли о былом у него не тяжелые, а легкие: «...Всем своим прошедшим <...>, всю свою душою владеет человек» [20, с. 251].

И в холодном осеннем дне рассказчик видел красоту: «...Когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая <...>, солнце <...> блестит ярче летнего» [20, с. 251]. Зимой он любовался «зеленым цветом неба» и дышал «морозным, острым воздухом» [20, с. 253].

Природа для персонажей второго типа – это что-то живое и очень близкое, поэтому они часто описывают ее посредством человеческих чувств или действий.

В рассказе «Бежин луг» повествователь наблюдал «кроткий румянец» утренней зари, «играющие лучи» солнца, а также чувствовал на всем «печать какой-то трогательной кротости» [18, т. 3, с. 86].

В «Певцах» он ощущал «безнадежное, придавленное» молчание «обессиленной природы» в вечернее время суток после сильного дневного зноя [18, т. 3, с. 224].

Петр Петрович был способен услышать «шепот ночи», лепет «статных осин», радостный «голосок малиновки», а также почувствовать «свежее дыхание весны», запах «согретой земли» («Лес и степь») [20, с. 249, 251, 253].

В рассказе «Свидание» герой-повествователь отмечал природные изменения березовой рощи во время появления или отсутствия солнечных лучей: «...Она то озарялась вся, словно вдруг в ней все улыбнулось <...>, то <...> яркие краски мгновенно гасли <...>, и украдкой, лукаво, начинал <...> шептать <...> дождь» [18, т. 3, с. 240]. Небесную лазурь он сравнивал с «прекрасным глазом» [18, т. 3, с. 240]. Он грустил, когда наблюдал осеннюю «улыбку увядающей природы», сквозь которую «прокрадывался унылый страх недалекой зимы» [18, т. 3, с. 248].

Для крестьянки Акулины природный мир растений чудесен. Она искренне восхищалась «чудным цветиком» [18, т. 3, с. 245]. Для нее пучок голубых васильков, трепетно перевязанных травой – символ благоговейной любви.

Герои с «внутренней цельностью» или их чувства, как правило, изображаются с помощью природных образов (животные, растения и т. п.) [4, с. 49]. В рассказе «Малиновая вода» образ жизни Степушки сравнивается с работой трудолюбивого муравья. Герой-рассказчик также отмечал, что уши у него «прозрачные, как у летучей мыши...» [18, т. 3, с. 33].

Петр Петрович считал Ермолая «престранным» человеком, «беззаботным, как птица» («Ермолай и мельничиха») [18, т. 3, с. 21]. Подчеркивается, что у Ермолая «рысьи глазки», помогающие ему высматривать дичь («Льгов») [18, т. 3, с. 82].

Моргач из рассказа «Певцы» был «предприимчив, как лисица» [18, т. 3, с. 217]. Через природные образы изображаются также и бурные эмоции повествователя. Прекрасное пение Якова, наполненное «внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя», пробудило в нем давнее воспоминание о белой чайке на берегу свирепого моря. Проникновенный голос певца до слез растрогал Петра Петровича, он воспринял его как нечто «родное и необозримо широкое, словно знакомая степь раскрывалась перед вами» [18, т. 3, с. 222]. Глаза Акулины были «светлыми и пугливыми, как у лани» («Свидание») [18, т. 3, с. 242].

Герои с «абсолютной цельностью духа» не стремятся постичь тайны царственной природы, они принимают их как ее органичную составляющую [4, с. 49].

В рассказе «Бежин луг» крестьянские мальчики – Федя, Павлуша, Ильюша, Ваня и Костя – верят в домовых, леших, водяных и т. п. В их восприятии природы сочетаются языческие и христианские верования.

Так, Ильюша рассказал, как он однажды слышал домового. Все остальные ребята не высказали сомнения в том, что это правда. Павел даже уточнил о домовом вполне бытовую деталь: «Чего ж он раскашлялся?» [18, т. 3, с. 93]. На что Ильюша ответил: «...Может, от сырости» [18, т. 3, с. 93]. Ильюша также верит в водяного, поэтому боится, что он может утащить к себе Ваню. Костя припомнил случай, который произошел с плотником Гаврилой (встреча в лесу с русалкой). Русалка – «лесное зелье» (стихия земли), а описывается с помощью животных водной стихии: она, «словно плотичка какая или пескарь», а голос у нее «тоненький, жалобный, как у жабы» [18, т. 3, с. 94, 95]. И Гаврила сначала откликнулся на ее зов, но потом опомнился и перекрестился. А русалка после этого прокляла его.

Эти персонажи верили и не верили в существование духов леса, воды, огня и т. д. В их подсознании сохранилось еще много суеверных представлений, которые сталкивались с религиозными убеждениями. Например, реакция Феди на рассказ о русалке: «– Да как же это может этакая лесная нечисть христианскую душу спортить...» [18, т. 3, с. 95].

Особое значение приобретают ночные пейзажи, так как именно в это время суток активизируется все самое тайное в природе. После рассказа о русалке тихую летнюю ночь внезапно пронзили странные звуки. Ночью произошел странный случай и с Ермилом, когда он ехал через плотину, где был захоронен утопленник: «Вот уж нечистое место...»

[18, т. 3, с. 96]. По словам Ильюши, Ермил увидел на могиле барашка, но после того, как он взял его на руки, животное вдруг заговорило человеческим голосом. Ильюша вспомнил, что в этом нечистом месте не раз видели покойного барина, который что-то искал на земле. На вопрос Трофимыча, что он ищет, он даже ответил: «Разрыв-травы <...> ищущу» [18, т. 3, с. 97–98].

Ильюша, хорошо знающий «все сельские поверья», утверждал: «Покойников во всяк час видеть можно» [18, т. 3, с. 98]. Он говорил, что если в родительскую субботу сесть на церковной паперти и смотреть на дорогу, то мимо пройдут те люди, кому суждено умереть в этом году. В доказательство своих слов герой рассказал о смерти Ивашки Федосеева. В этом моменте снова прослеживается взаимодействие языческого и религиозного в сознании персонажа.

При этом ни один из крестьянских мальчиков не высказал сомнений в правдивости услышанного. А когда белый голубь внезапно появился рядом с ними, Костя промолвил: «А что, Павлуша <...>, не праведная ли эта душа летела на небо?» [18, т. 3, с. 99]. И ответ был неоднозначным: «Может быть» [18, т. 3, с. 99]. Потом и сам Павел рассказал о солнечном затмении, которое произошло недавно в его селе. Крестьяне считали это природное явление предвестником конца света.

И все эти таинственные истории мальчиков обрамлены величественным ночным пейзажем: «...Торжественно и царственно стояла ночь...» [18, т. 3, с. 100]. Даже привычный крик цапли показался слушающим необычным после рассказа Павлуши. Костя промолвил: «...Словно леший кричит» [18, т. 3, с. 101].

При этом природа не открывает человеку своих тайн, поэтому Петр Петрович, смотря на «бесчисленные золотые звезды», ощущал «стремительный, безостановочный бег земли...» [18, т. 3, с. 100]. И сам герой-повествователь становится свидетелем странного ночного происшествия. Павлуша рассказал, что кто-то звал его к себе голосом Васи (который недавно утонул) из реки, когда он ходил за водой. В восприятии услышанного у крестьянских ребятишек снова наблюдается синкретизм. Сначала они перекрестились и проговорили: «Ах ты, господи!» [18, т. 3, с. 104]. Но потом Федя сказал, что Павла звал водяной. А Ильюша заметил: «Ах, это примета дурная...» [18, т. 3, с. 104]. В конце произведения Петр Петрович узнает, что Павел умер в том же году.

Выводы. На протяжении всего своего творческого пути И. С. Тургенев искал решение одной из самых трудных проблем – взаимоотношения природы и человека. Этот процесс был сложным и протекал в русле мировоззренческих исканий писателя, о чем свидетельствуют его письма.

В данной работе указанная проблема анализировалась с использованием типологии персонажей (рассматривался второй тип) М. О. Гершензона в цикле «Записки охотника».

Были выявлены герои с «внутренней цельностью» – рассказчик (Петр Петрович) и крестьяне (Степушка, Ермолай, Моргач, Акулина, Филофей, Федя, Павлуша, Ильюша, Ваня, Костя, Гаврила, Ермил). Они живут в согласии с природой и всеми ее тайными силами, не склонны к философским поискам и болезненным воспоминаниям о прошлом. Это гармоничные персонажи, которые живут настоящим.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреевский С. А.* Литературные очерки. – СПб. : Типография А. Е. Колпинского, 1902. – 498 с.
2. *Батюто А. И.* Тургенев – романист. – Л. : Наука, 1972. – 389 с.
3. *Ганжулевич Т. Я.* Записки охотника И. С. Тургенева. – СПб. : Издание Товарищества «Прогресс нашей жизни», 1908. – 190 с.
4. *Гершензон М. О.* Мечта и мысль И. С. Тургенева. – М. : Книгоизд-во писателей в Москве, 1919. – 170 с.
5. *Григорьев А. Е.* И. С. Тургенев и его деятельность (По поводу романа «Дворянское гнездо»). – М. : Издание Товарищества И. Н. Кушнерев и К., 1915. – Вып. 10. – 135 с.

6. *Грузинский А. Е. И. С. Тургенев (личность и творчество). 1818–1819.* – СПб. : Издание Товарищества «Грань», 1918. – 236 с.
7. *Доманский В. А. Герои Тургенева как психологические и культурные типы // Два века русской классики.* – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 64–81.
8. *Кийко Е. И. «Призраки» реминисценции из Шопенгауэра // Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / под ред. М. П. Алексева.* – Л. : Наука, 1967. – Вып. 3. – С. 123–125.
9. *Клеман М. К. Летопись жизни и творчества И. С. Тургенева.* – М. ; Л. : ACADEMIA, 1934. – 373 с.
10. *Лиё В. Природа и чувство тургеневской повести // Вестник Костромского государственного университета.* – 2019. – № 2. – С. 136–145.
11. *Незеленов А. И. Тургенев в его произведениях.* – СПб. : Типография А. С. Суворина, 1885. – 262 с.
12. *Прокудин Б. А. Социально-политический идеал И. С. Тургенева 1840–1850-х гг. (на материале сборника «Записки охотника» и рассказа «Муму») // Часы Ивана Тургенева. Международная конференция «Иван Сергеевич Тургенев: философствующий писатель и политический философ. К 200-летию со дня рождения».* – М. : Голос, 2018. – С. 113–131.
13. *Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова.* – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 303 с.
14. *Скокова Л. И. И. С. Тургенев о правах человека в «Записках охотника».* – М. : Гелиос АРВ, 2005. – 208 с.
15. *Скуднякова Е. В. Природа и человек в повестях И. С. Тургенева: герои с «раздвоенной душой» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* – 2020. – № 4(109). – С. 125–134.
16. *Скуднякова Е. В. Природа и человек в творчестве И. С. Тургенева: герои с «внутренней цельностью» // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева.* – 2023. – № 2(119). – С. 35–43.
17. *Собрание критических материалов для изучения произведений И. С. Тургенева / сост. В. Зелинский.* – М. : Типография Вильде, 1910. – Вып. 1. – 624 с.
18. *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.* – М. : Наука, 1979, Сочинения : в 12 т. Т. 3. – 526 с. [Электронный ресурс]. – URL : <http://russian-literature.org/object/417834> (дата обращения: 23.05.2024).
19. *Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т.* – М. : Наука, 1982, Письма : в 18 т. Т. 1. – 607 с. [Электронный ресурс]. – URL : <http://russian-literature.org/object/10623889> (дата обращения: 23.05.2024).
20. *Тургенев И. С. Записки охотника.* – М. : Худож. лит., 1984. – 254 с.

Статья поступила в редакцию 24.05.2024

REFERENCES

1. *Andreevskij S. A. Literaturnye ocherki.* – SPb. : Tipografiya A. E. Kolpinskogo, 1902. – 498 s.
2. *Batyuto A. I. Turgenev – romanist.* – L. : Nauka, 1972. – 389 s.
3. *Ganzhulevich T. Ya. Zapiski ohotnika I. S. Turgeneva.* – SPb. : Izdanie Tovarischestva «Progress nashej zhizni», 1908. – 190 s.
4. *Gershenson M. O. Mechta i mysl' I. S. Turgeneva.* – M. : Knigoizd-vo pisatelej v Moskve, 1919. – 170 s.
5. *Grigor'ev A. E. I. S. Turgenev i ego deyatelnost' (Po povodu romana «Dvoryanskoe gnezdo»).* – M. : Izdanie Tovarischestva I. N. Kushnerev i K., 1915. – Вып. 10. – 135 s.
6. *Gruzinskij A. E. I. S. Turgenev (lichnost' i tvorchestvo). 1818–1819.* – SPb. : Izdanie Tovarischestva «Gran'», 1918. – 236 s.
7. *Domanskij V. A. Geroi Turgeneva kak psihologicheskie i kul'turnye tipy // Dva veka russkoj klassiki.* – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 64–81.
8. *Kijko E. I. «Prizraki» reminiscencii iz Shopengauera // Turgenevskij sbornik. Materialy k polnomu sobraniyu sochinenij i pisem I. S. Turgeneva / pod red. M. P. Alekseeva.* – L. : Nauka, 1967. – Вып. 3. – С. 123–125.
9. *Kleman M. K. Letopis' zhizni i tvorchestva I. S. Turgeneva.* – M. ; L. : ACADEMIA, 1934. – 373 s.
10. *Lie V. Priroda i chuvstvo turgenevskoj povesti // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta.* – 2019. – № 2. – С. 136–145.
11. *Nezelenov A. I. Turgenev v ego proizvedeniyah.* – SPb. : Tipografiya A. S. Suvorina, 1885. – 262 s.
12. *Prokudin B. A. Social'no-politicheskij ideal I. S. Turgeneva 1840–1850-h gg. (na materiale sbornika «Zapiski ohotnika» i rasskaza «Mumu») // Chasy Ivana Turgeneva. Mezhdunarodnaya konferenciya «Ivan Sergeevich Turgenev: filosofstvuyuschij pisatel' i politicheskij filosof. K 200-letiyu so dnya rozhdeniya».* – M. : Golos, 2018. – С. 113–131.
13. *Pustovojt P. G. I. S. Turgenev – hudozhnik slova.* – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1987. – 303 s.
14. *Skokova L. I. I. S. Turgenev o pravah cheloveka v «Zapiskah ohotnika».* – M. : Gelios ARV, 2005. – 208 s.

15. Skudnyakova E. V. Priroda i chelovek v povestyah I. S. Turgeneva: geroi s «razdvoennoj dushoj» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2020. – № 4(109). – S. 125–134.
16. Skudnyakova E. V. Priroda i chelovek v tvorchestve I. S. Turgeneva: geroi s «vnutrennej cel'nost'yu» // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva. – 2023. – № 2(119). – S. 35–43.
17. Sobranie kriticheskikh materialov dlya izucheniya proizvedenij I. S. Turgeneva / sost. V. Zelinskij. – M. : Tipografiya Vil'de, 1910. – Vyp. 1. – 624 s.
18. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. – M. : Nauka, 1979, Sochineniya : v 12 t. T. 3. – 526 s. [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://russian-literature.org/object/417834> (data obrascheniya: 23.05.2024).
19. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem : v 30 t. – M. : Nauka, 1982, Pis'ma : v 18 t. T. 1. – 607 s. [Elektronnyj resurs]. – URL : <http://russian-literature.org/object/10623889> (data obrascheniya: 23.05.2024).
20. Turgenev I. S. Zapiski ohotnika. – M. : Hudozh. lit., 1984. – 254 s.

The article was contributed on May 24, 2024

Сведения об авторе

Скуднякова Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), г. Москва, Россия, <https://orcid.org/0000-0002-6975-1852>, elenaskudnakova@gmail.com

Author Information

Skudnyakova, Elena Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), Moscow, Russia, <https://orcid.org/0000-0002-6975-1852>, elenaskudnakova@gmail.com